

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования**

«Смоленский государственный университет»

Кафедра литературы и методики ее преподавания

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки

Том 16

Смоленск
2015

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского
совета Смоленского государственного университета*

Русская филология: Ученые записки кафедры литературы
Р 89 и методики ее преподавания Смоленского государственного
университета. Т. 16 / Сост. и ред. И.В. Романова, Л.В. Павлова,
Л.Г. Каяниди. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2015. – 336 с.
ISBN 978–5–906598–35–6

В 16 томе «Русской филологии» представлены традиционные для ученых записок кафедры литературы и методики ее преподавания разделы, посвященные исследованиям в области русской литературы – поэзии и прозы XIX–XX веков, русско-зарубежным литературным связям, журналистике, теории текста, литературе Смоленской земли, жизни кафедры.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

ISBN 978–5–906598–35–6

© Авторы, 2015
© Смоленский государственный университет, 2015

В.С. Баевский

ЗАТЕКСТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лекции для аспирантов и магистрантов
2012 – 2013 учебный год

К читателю

Эти лекции предлагаются читателю в записи слушателей с последующей правкой лектора. Чтение курса было прервано инсультом. Слушатели объединенными усилиями по своим записям, выполненным вручную и с помощью диктофонов, постарались восстановить ход мыслей лектора. Университетская жизнь знает подобные опыты воспроизведения лекций в тех случаях, когда курсы лекций не были изданы лектором и представляли ценность с точки зрения слушателей. В качестве примера можно указать «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, изданный после смерти автора его учениками Сеше и Балли. У нас на кафедре истории и теории литературы был записан курс лекций об истории русской литературы первой половины XIX века студентками Э. Котовой и М. Рогацкиной и после правки лектором? профессором Баевским, издан томом в 632 страницы.

Введение

ЧТО ТАКОЕ ЗАТЕКСТ

Слово «текст» пришло в русский язык из древнегреческого и латыни через новые европейские языки. Изначально оно обозначало «ткань, связь, стиль». Филологи заимствовали это слово у ткачей. В вербальном процессе слова переплетаются и эти «переплетения» хранят всю

культуру человечества.

Иногда в текст включаются элементы других текстов. Так, например, «Капитанская дочка» Пушкина начинается эпиграфом «Береги честь смолоду». Сам автор разъясняет, что это пословица. Таким образом, в роман Пушкина «Капитанская дочка» с самого начала вводится важный подтекст. В сущности говоря, на протяжении всего произведения Петруша Гринев, а также ряд других персонажей, решают задачу сохранения чести в смертельно опасных условиях. Главе первой предпослан эпиграф из комедии Княжнина «Хвастун», довольно подробно передающий содержание этой главы. Он с самого начала облегчает восприятие романа Пушкина.

Чужой текст, введенный автором в свой текст, называется подтекстом. Литература заимствует из других произведений с древнейших времен. Прежде не было понятия о литературной собственности. Любые заимствования суть подтексты. Это могут быть слова или ситуации. Зловредные заимствования – плагиат. Заимствование может быть вторичным, то есть заимствованием из заимствования. Даже на примере двух эпиграфов из «Капитанской дочки» видно, что подтекст может выполнять самые разнообразные функции. Познакомимся с этим явлением на следующем примере.

Лекция 1

ЗАТЕКСТЫ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

Но кроме чужого текста автор может вводить в свое произведение события и их мотивировки, остававшиеся до него за пределами литературы. У Цветаевой есть стихотворение о 1812 году. Она – один из величайших русских неоромантиков рубежа XIX – XX веков. Ее восхищал подвиг русских людей, преградивших путь, часто ценою жизней, Наполеону и его армии. Но она также восхищалась Наполеоном и его маршалами. Это может показаться странным, но культ Наполеона, начиная с конца XVIII века, был в Европе необыкновенно силен. Можно вспомнить «Войну и мир» Льва Толстого. Писатель показывает, как князь Андрей Болконский мужественно сражается с Наполеоном и его армией и при этом преклоняется перед военным гением Наполеона. На стыке этих двух противоположных настроений Цветаева создала незаурядное стихотворение, а Лев Толстой – замечательный роман «Войну и мир».

В своем стихотворении Цветаева сначала выражает восторг, восхищение генералами, командовавшими русской армией, их смелостью и

величием; потом воспекает одного из них.

До революции в русской армии было принято, если одновременно служили несколько братьев-офицеров, прибавлять к их фамилии номера, чтобы сразу было понятно, о ком из них идет речь. В войне с Наполеоном участвовали четверо братьев Тучковых. Они были генералами. После войны в Зимнем дворце была создана портретная галерея героев 1812 года. Были в ней и портреты братьев Тучковых. Цветаева выделила среди них молодого, пылкого, мужественного Тучкова-четвертого, погибшего на Бородинском поле. Она воспела своего героя так, словно бы встретила и полюбила его при его жизни (1).

...Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Я процитировал только часть стихотворения. Надеюсь, те из слушателей, которые его не знают, познакомятся с ним по книгам Цветаевой. Судьба текста этого стихотворения довольно сложна. Я ее изучил и изложил в статье [2].

У этого стихотворения богатый затекст. Введем определение затекста.

К затексту относятся обстоятельства жизни человека, его времени, касающиеся художественного произведения, которые автор не ввел в свой текст. Возможно, он не считал нужным их использовать, может быть, он их не знал, бывает, что какие-то причины помешали ему упомянуть или даже подробно рассказать об этих личностях, этих событиях, этих мыслях и переживаниях.

Может быть, автор что-то смутно угадывал, может быть, что-то ког-

да-то где-то случайно слышал или видел, и это отпечаталось в памяти.

Затекстом могут быть также события, переживания, которые непосредственно к тексту не относятся, но таинственно с ним связаны.

Вернемся к стихотворению Цветаевой. У него оказался богатый затекст. Когда Цветаева в молодости писала свое стихотворение, многое о Тучкове-четвертом она не знала. Важные материалы были опубликованы позже, в его биографии и в воспоминаниях современников о нем и войне 1812 года. Стихотворение «Генералам двенадцатого года» никогда не привлекало специального внимания исследователей, текст его вроде бы никаких особых загадок не содержит.

Стихотворению предпослано посвящение Сергею. Сергей Яковлевич Эфрон – муж Цветаевой. Цветаева обвенчалась с ним за два года до написания стихотворения, 27 января 1912 года. А вскоре после написания стихотворения, 7 марта 1914 года она писала В.В. Розанову: «Он необычайно и благородно красив, он прекрасен внешне и внутренне. Прадед его с отцовской стороны был раввином, дед с материнской – великолепным гвардейцем Николая I <...>. Мать его урожденная Дурново <...>. Если бы Вы знали, какой это пламенный великодушный юноша!» [10, с. 23, 25].

Аристократка-мать порвала с семьей, ушла в революционное движение, стала членом «Народной воли» и «Черного передела», там и встретила мужа-революционера.

В облике страстно любимого мужа Цветаева видит романтические противоречия: среди его предков аристократы и революционеры, раввин и гвардеец. Можно думать, что облик мужа слился для Цветаевой с предельно романтизированным обликом «Генералов двенадцатого года». «У него узкое лицо, темный разлет бровей и под ними такие огромные совершенно невероятные по красоте и величине глаза» [11, с. 415].

Вокруг него витала смерть: его мать и брат кончили жизнь самоубийством, сам он был болен туберкулезом. В 1913 году у Цветаевой появляется ряд стихотворений «о юности и смерти», юность и смерть – темы стихотворения «Генералам двенадцатого года». Члены семьи Дурново участвовали в Отечественной войне 1812 года. Портрет генерал-майора И.Н. Дурново находится в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже. И в своем муже Цветаева видела воина. Когда началась Гражданская война, он ушел в Белую гвардию, а она воспела «лебединый стан». Таким образом, все составные части поэтического мира стихотворения «Генералам двенадцатого года» в сознании Цветаевой были.

Что же дало непосредственный толчок к его написанию? Дочь Цветаевой рассказала: «На толкучке <...> мама купила чудесную, круглую, высо-

кую (баночку? коробочку?) из папье-маше с прелестным романтическим портретом Тучкова–четвертого в мундире, в плаще на алой подкладке – красавец! И...перед красотой Тучкова не устояла, – вот и стихи! Коробочка эта сопровождала маме всю жизнь, стояла на ее столе, с карандашами, ручками. Ездил из России, вернулась в Россию...» [8, с. 56–57].

Как видим, важное место в стихотворении занимает портрет Тучкова–четвертого. Вопрос о том, как он возник, относится к затексту стихотворения. Я решил исследовать этот вопрос. И вот что выяснил. В 1813 году, на следующий год после гибели Тучкова–четвертого, известный рисовальщик того времени А. Варнек создал его портрет. По-видимому, он рисовал с медальона; М.М. Тучкова до самой смерти хранила у себя миниатюрные портреты мужа и сына. Скорее всего, миниатюрой с портретом генерала художник и воспользовался. По рисунку Варнека одним из лучших гравюров А. Ухтомским была выполнена гравюра, получившая, наряду с другими гравированными портретами героев 1812 года, значительное распространение и самостоятельно, и в альбомах. Д.А. Ровинский указывает два варианта этой гравюры; в пределах каждого варианта разные оттиски имеют некоторые отличия. Так, в первом варианте есть отпечатки, сделанные прежде подписи, есть отпечатки с подписью: «Генерал майор Тучков 4-й [Убит в Бородинском Сражении на 35-м Году от рождения своего]». Второй вариант представляет собой несколько уменьшенное повторение предыдущего, с подписью, но без последней надписи.

Следующий шаг иконографии Тучкова связан с именем известного английского живописца Джорджа Доу. Он был специально приглашен в Россию и с 1819 по 1829 год выполнил (с помощью русских художников) свыше трехсот портретов участников войны 1812 года и походов 1813 и 1814 годов. Напомню, что Пушкин посвятил ему стихотворение «Зачем твой дивный карандаш...». Выполненный им портрет Тучкова–четвертого основан на гравюре Ухтомского по рисунку Варнека. По-видимому, «нежный лик» на баночке-коробочке Цветаевой – уменьшенная копия портрета Доу.

Герой стихотворения Цветаевой был человек необыкновенный и к семье принадлежал необыкновенной. Его старший брат Николай Алексеевич Тучков–первый (1761 – 1812) во время Отечественной войны был генерал–лейтенантом, командующим Третьим корпусом. Тучков–второй, Сергей (1767 – 1839) во время войны состоял под командованием генерала Чичагова, дослужился до чина генерал–лейтенанта и должности сенатора. Тучков–третий, Павел (1775 – 1858), генерал–лейтенант, член Государственного совета, в Смоленском сражении 4–5 августа 1812 года принял на себя удар корпусов маршала Нея и, израненный, попал в плен. Следующим по возрасту был Алексей (1776 – 1853)

генерал-майор, предводитель дворянства Московского уезда. В войне он не участвовал и наименование по номеру, принятого в дореволюционной русской армии, не имел. Заметим, что его сын Алексей (1800 – 1879) стал декабристом, а дочь Наталья (1829 – 1913) была женой Огарева.

Александр Алексеевич Тучков-четвертый (1777 – 1812), генерал-майор, командовал бригадой из Муромского и Ревельского полков 3-й пехотной дивизией Коновницына. Она входила в 3-й пехотный корпус Тучкова-первого, принадлежавший к 1-й армии Барклая де Толли. Это был человек, «соединявший с прекрасною наружностью душу пламенную, ум, обогащенный всеми плодами просвещения» [4, с. 223].

В галерее героев Отечественной войны в Эрмитаже среди портретов воинственных генералов портрет Тучкова-четвертого обращает на себя внимание поэтической внешностью. Рассказать о Тучкове-четвертом невозможно, умолчав о его романтической женитьбе. Образ его жены входит в затекст стихотворения Цветаевой. Она родилась в начале 1781 года, девичья фамилия ее – Нарышкина, мать ее – урожденная княжна Волконская; таким образом, Маргарита Михайловна Тучкова по рождению принадлежала к высшей знати. Она была музыкальна, обладала прекрасным голосом, живым характером. Высокая, стройная, она, по воспоминаниям современников, не могла почитаться красавицей, но была очень привлекательной. Черты лица были не правильные, но зеленоватые глаза обладали притягательной силой. В ранней молодости она вступила в брак по страстной любви. Замужество оказалось катастрофическим. Биограф свидетельствует о ее первом муже: «Ласунский был заклеимен самыми позорными пороками» [9, с. 7]. (2)

Удалось добиться развода.

Когда через несколько лет вспыхнула любовь между Тучковым и молодой женщиной, ее родители, травмированные первым браком дочери, долго не давали согласия на новое замужество. Между тем, неслучайно у Тучкова была внешность поэта, он посвящал возлюбленной стихи, которые писал по-французски. Один из романсов, например, кончался рефреном после каждого куплета:

Qui tient mon coeur et qui l'agite?
C'est la charmante Marguerite.

(Кому душа моя открыта?
Вам, моя прелесть Маргарита).

Тучков женился в 1806 году. Его жена «гордилась красотой мужа, которого сравнивали в тогдашнем обществе с Аполлоном, его храбро-

стью, рыцарскою его доблестью». Невольно вспоминается отношение Цветаевой к ее мужу. М.М. Тучкова сопровождала мужа во время русско-шведской войны 1808 – 1809 годов, иногда верхом, переодевшись в мужское платье. «Солдаты старались доставить ей возможные удобства и в свою очередь обращались к ней за помощью всякого рода». С заботливостью сестры милосердия она ухаживала за ранеными – как русскими, так и шведами, попавшими в плен.

За год до Отечественной войны у Тучковых родился сын Николай. После смерти мужа М.М. Тучкова составила для сына записки об отце. «С каким восторгом он любовался нами обоими, и сколько раз я видела в его глазах слезы счастья!» – писала она. Когда началась война, Тучков со своей бригадой стоял в Минской губернии. Семья была с ним. Он получил приказ выступить к Смоленску. Следующий эпизод сохранился в преданиях семьи Тучковых как абсолютно достоверное событие. Недалеко от Смоленска пришлось заночевать в душной грязной избе прямо на полу на соломе. М.М. Тучковой приснился сон. Она увидела окровавленную надпись: «Ton sort se decidera a Borodino» (Твоя участь решится при Бородине). Она разбудила мужа:

– Где Бородино? Тебя убьют в Бородине!

– Бородино? Я в первый раз слышу это имя, – ответил Тучков. Расстелили карту, но Бородина на ней не нашли. М.М. Тучкова с сыном уехали в Москву, а при подходе французов к Москве – в Кинешму.

Тучков-четвертый погиб в бородинском сражении почти одновременно с Тучковым-первым, около полудня, в бою за семеновские флеши. Братья совместили в своей судьбе судьбу Андрея Болконского. Смертельно раненый Тучков-первый был вывезен отступавшими русскими войсками и скончался три недели спустя. Тучков-четвертый, увидев, что его Ревельский полк дрогнул, схватил знамя полка и пошел впереди солдат на французов. Французское ядро поразило его в грудь. После него остался сын Николенька.

Когда мать узнала о судьбе трех сыновей-генералов, она оставила кресло, в котором сидела, опустилась на колени и произнесла:

– Да будет Твоя святая воля! – И вслед затем: – Подымите меня, я не вижу.

В этот миг она ослепла.

М.М. Тучковой стало известно, что трупы погибших при Бородине остались непогребенными, и во второй половине октября она отправилась на поле страшного побоища, чтобы отыскать и предать земле тело мужа. С помощью монаха близлежащего монастыря она днем и ночью вела поиски, оставшиеся безрезультатными. Трупы жгли на кострах; ве-

роятно, сожгли и тело ее мужа.

В 1820 году Тучкова, продав свои бриллианты, построила на эти деньги на поле Бородинского сражения Спасо-Бородинский храм. В церкви был сооружен мраморный крест с надписью: «Помяни Господи во царствии Твоем Александра на брани убиенного». Сын посадил тополь в память об отце на месте его предполагаемой гибели. К М.М. Тучковой стекались нуждавшиеся, она им широко помогала. В 1838 году на деньги, полученные от продажи имений, она основала Спасо-Бородинский монастырь, постриглась и стала его игуменьей. Одно время носила вериги, потом митрополит потребовал, чтобы она их сняла. Однажды митрополит Филарет спросил ее, довольна ли она монахинями своего монастыря.

– Слава Богу, владыка, такие они у меня славные, такие добрые! Жаловаться мне не на кого, да в том беда, что я-то такая грешная! – ответила игуменья. Митрополит перекрестился на образ, висевший в углу, и произнес:

– Благодарю Господа, наконец-то в моей епархии нашлась грешная игуменья, а то с кем ни поговори – все святые.

В 1839 году состоялось открытие памятника на Бородинском поле. На торжества прибыл Николай I. Он посетил Спасо-Бородинский монастырь. Игуменья была больна и не могла его встретить. Тогда император пришел в ее келью. Он сказал, что она первая почтила память героев Бородина и воздвигла им памятник. Спросил игуменью, есть ли у нее какие-нибудь желания, которые он мог бы исполнить.

– Простите брата, – попросила она.

Брат ее Михаил Михайлович Нарышкин был декабристом. Известно, как Николай I ненавидел восстание и всех, кто был с ним связан.

– Позвольте мне подумать, Маргарита Михайловна, – ответил он. Вскоре Нарышкин был прощен.

Игуменья Мария (М.М. Тучкова) умерла 29 апреля 1852 года.

Трудно отвлечься от глубоких параллелей между судьбами Тучковой и Цветаевой, при поверхностной их противоположности. Обе они были женщинами с могучим характером, каждая по-своему была предана мужу и разделила его судьбу, почти в одном и том же раннем возрасте погибли их сыновья. Весь этот затекст делает стихотворение «Генералам двенадцатого года» одним из самых значительных в раннем творчестве Цветаевой. Вряд ли она читала книжку Толычевой «Спасо-Бородинский монастырь и его настоятельница», в самом страшном сне не могла предвидеть обстоятельства гибели мужа, сына и своей. Но в восторженно-романтическом порыве она многое угадала...

Лекция 2

ЗАТЕКСТЫ СТАТЬИ В. ХОДАСЕВИЧА О БИОГРАФИИ ПУШКИНА

Сегодня у нас вторая лекция в спецкурсе «Затексты русской литературы». Вообще затекстами занимаются давно, но термина этого не было. Как-то исследователи не выделяли этого и плохо понимали, чем они занимаются. Есть текст, это понятно. Есть подтекст и четкое определение этого понятия. Только недавно его ввел Кирилл Федорович Тарановский. Подтекст – это другой текст, который отражается в данном тексте. По-моему, замечательное определение. До этого, пока его не было, говорили произвольно. Когда что-то не могли определить, говорили: «Ну, это подтекст». А теперь появился термин.

Значит, если какой-то текст отражается в данном тексте, – это подтекст. А если какое-то историческое событие отражается в данном тексте, или если в тексте отражается важное событие жизни автора или его приятеля, о чем он узнал, – это не текст и не подтекст. Это затекст.

Должен сказать, что в русской литературе есть несколько авторов, окруженных густым затекстом. Этот затекст зафиксирован, публикуется, переопубликовывается, и первый здесь – Пушкин. Это поразительно, но примерно с двадцати лет о Пушкине стали ходить исторические анекдоты.

Раньше анекдотом называлось не то, что теперь. (Этот термин придется употреблять и дальше). «Анекдот» – это слово в европейские языки вошло из древнегреческого, где оно обозначает «неопубликованное» (так можно перевести точнее всего). Древние греки и римляне в лице своих замечательных философов, историков рано поняли необходимость исторической памяти и стали записывать важные события. Из них складывались целые книги. Но вот книгу написали. Однако их же не издавали, это были рукописные книги. Кто-то ее переписал, может быть, для общественных нужд, а потом какой-то человек узнал что-то, относящееся к материалу этой книги, что в нее не вошло. Как быть? Он рассказывает разным людям о том, что знает, и эти дополнительные сведения живут в сознании людей. Это анекдоты независимо от их содержания. Они не записаны, но распространяются устно, без автора, в форме фольклора. Иногда автор есть, но нет уверенности, он ли это. Может быть, это людская молва. Историков литературы интересуют, конечно, исторические анекдоты в древнегреческом смысле, которые помогают постичь произведение и его творца. Когда Пушкин в первой главе «Евгения Онегина» сообщает об Онегине:

И дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей,

он имеет в виду именно такие анекдоты, исторические. Поэтому «от Ромула до наших дней».

После смерти Пушкина в его бумагах Жуковский, который изучал его архив по распоряжению Николая I, нашел лист бумаги, сложенный вдвое, а между этих двух крыльев сгиба были вложены отдельно небольшие листочки с записями анекдотов. На внешней стороне этого сложенного вдвое листа Пушкин написал: «Table-talk» – «застольный разговор» по-русски. Видимо, он собирал это для того, чтобы при случае блеснуть в застольном разговоре или использовать в своей беллетристике или поэзии.

После него его друг, князь Вяземский, замечательный литератор, стал также собирать анекдоты и потом опубликовал под названием «Старая записная книжка». Тоже анекдоты, но не исторические, а всякие забавные происшествия, которым он был свидетель или о которых слышал. А недавно, скажу я вам по секрету, в журнале «Знамя» я опубликовал текст под названием «Table-talk». И собрал такие вот анекдоты, которые видел и слышал на протяжении своей жизни. Журнал охотно напечатал эту большую подборку.

Вот один из таких исторических анекдотов.

Александр I доложили, что Пушкин позволяет себе писать антиправительственные революционные стихи. Он велел произвести у Пушкина обыск, Пушкина арестовать и доставить к нему во дворец. Доставили. Пушкину 21 год, царю – 43. Пушкин говорит: «Ваше Величество! Как кто-нибудь напишет что-то антиправительственное, так приписывают мне. Почему так?» Царь говорит: «Ничего, вот там у тебя сейчас обыск производят – я узнаю, что ты пишешь». А Пушкин ему говорит: «Напрасно! Все, что я написал антиправительственного, я уже уничтожил. Велите подать мне бумагу и чернила, я напишу здесь, что я писал. Не хочу, чтобы меня наказывали за то, что кто-то пишет от моего имени».

После этого допроса царь сказал приближенным: «Положим, Пушкин поступил благородно, но все равно нельзя прощать такие преступления». И Пушкин был сослан. Это начало его ссылки на Юг.

И до конца дней Пушкина о нем ходили всякие-всякие анекдотические истории. Есть записи, издания этих анекдотов. Одну такую книжку я принес вам показать: «Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века» (М., Художественная литература, 1990).

Есть еще книга «Пушкин в воспоминаниях современников». Она несколько раз переиздавалась, так что она, безусловно, есть в университетской библиотеке и в областной, а, может быть, и в детской. Я очень советую вам ее прочитать. Там много таких замечательных материалов.

И еще есть книга. Автор – Чирейский. Книга называется «Пушкин и его окружение». (Л., Наука, 1989). Это второе издание. Чирейский – инженер по образованию; не знаю, жив ли он сейчас. На протяжении жизни он работал инженером, а попутно собирал сведения обо всех людях, которые были известны Пушкину. Выйдя на пенсию, он издал эту книгу о людях, с которыми встречался Пушкин, насколько эти сведения были отражены в печати.

Но не ждите, что я начну вам рассказывать анекдоты. Я сегодняшнюю лекцию посвящаю очень и очень важной теме и не стал бы ради анекдотов, хотя бы и о Пушкине забирать ваше время и тратить свое.

Был у нас замечательный поэт, который по обстоятельствам жизни остался малоизвестен. Это Владислав Фелицианович Ходасевич. Он на шесть лет моложе Блока. Родился в 1886 году. «Серебряный век» русской поэзии. Когда произошла революция, он эмигрировал. Это случилось в 1923 году. До эмиграции Ходасевич издал только одну книгу стихов. Русская эмиграция за рубежом знала двух великих поэтов: Цветаеву и Ходасевича. Цветаева в советское время вернулась из-за границы в СССР, а Ходасевич – нет. Эмигрантов советская власть вычеркивала из истории. Не то что изучать их творчество не разрешалось, печатать их произведения, но даже имена их упоминать было нельзя. До начала перестройки.

С Цветаевой было чуть–чуть легче, потому что она вернулась.

Конечно, можно было и в советское время специалисту-филологу добраться до текстов Ходасевича. Существовал спецхран. Это официальное название: «специальное хранение». В центральных библиотеках, архивах, под надзором НКВД, потом КГБ можно было получить разрешение работать с такого рода источниками, но нужно было представить официально бумагу, написанную и заверенную по особым правилам. И не разрешалось там ничего выписывать. В общем, противное это было дело. Я несколько раз попытался, но с отвращением прекратил. Хотя имел право, так сказать. Так что я, в сущности, совершенно не знал Ходасевича.

А тут наступила перестройка, советская власть рухнула, стало можно ездить за границу, а до этого я был «невъездной». Был такой термин у нас. Стало возможно получать книги из-за границы. А те, что в наших библиотеках, уже без всякого спецхрана читать. Пожалуйста –

даже специальные каталоги сделали в московской Ленинской библиотеке. Чтобы было видно, что есть, что можно читать. В общем, огромные сдвиги произошли.

К этому времени у меня, как бы это сказать, стала «болеть одна заноза». Я все больше занимался Пушкиным и поражался тому, что Пушкин был совсем не такой человек, как его у нас представляли в советское время.

Я одно время дружил с правнучкой Пушкина – можете себе представить! И с ее мужем, который был профессором – исследователем Пушкина. Его фамилия – Слонимский, Александр Леонидович. А она приняла его фамилию. Она не печаталась. Я могу сейчас показать вам его книги, письма, журнальные статьи с надписями: «Дорогому Диме», «Другу Диме». Дима, так меня называли в своем кругу. Он был профессор Литературного института в Москве, а я студент Педагогического института в Киеве в это время.

И все же у меня оставалась эта «заноза», которая меня буквально мучила.

Некоторые поэты – вы, вероятно, это знаете – и литературные критики говорили, что Пушкин – это солнце русской литературы. Пушкин – это солнце, а Лермонтов – луна, ночное светило. А я видел, что Пушкин – мрачный поэт, и особенно в последние годы. Если вы посмотрите мою книгу «Тридцать лекций...», то увидите, что там есть лекция о южной ссылке Пушкина и в Михайловское; есть лекция о 1826 – 1830-х годах, когда Пушкин был освобожден из ссылки, я ее назвал «Навстречу женитьбе». А есть лекция, следующая, которую я назвал «Навстречу смерти». Об этом не любят писать. Я подозреваю, что мало кто читает эти вещи Пушкина. Попробуйте почитать «Историю Пугачева», написанную в начале 30-х годов. Попробуйте почитать вслед за этим «Песни Западных славян». Это сплошные убийства, причем садистские убийства. С человека сдирают кожу; женщину, заподозренную в неверности, четверья лошадьми четвертуют, раздирают на части. И все это Пушкин выписывает в подробностях. У него тысячи таких образов.

В моей книге «Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы» в лекции «Навстречу смерти» вы найдете богатый и разнообразный материал для размышлений о последних годах жизни нашего величайшего поэта и о его безвременной гибели.

Мы обычно читаем: Пушкин отправился в Болдино, чтобы вступить во владение своей частью имения и сыграть затем свадьбу с Натальей Николаевной Гончаровой. Из-за страшной эпидемии он там застрял на три месяца. Зато как он плодотворно работал, сколько написал! Дальше

идет большое перечисление. Причем такие выдающиеся произведения! Он закончил «Евгения Онегина», написал пять прозаических повестей («Повести Белкина»), написал также четыре Маленьких трагедии («Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость» и «Скупой рыцарь»), тридцать лирических стихотворений. Все радуются, все восхищаются, но осваивают все это поверхностно. Там же все известно по дням. Он в своих тетрадях ставил даты, когда писал то или другое произведение. А писал он очень интенсивно в это время. И по дням известны все эти три месяца его пребывания в Болдине. Есть книги об этом. И вот он приезжает и вечером же этого дня пишет первое болдинское стихотворение «Бесы».

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Вот в таком настроении приехал вступать во владения частью имущества, выделенной ему отцом, Пушкин. На протяжении всей осени он писал произведения, преимущественно грустные, тревожные, полные тоски. Согласитесь, странное состояние души для жениха в канун свадьбы. Оказалось, что это начало нового для Пушкина, необыкновенно трагического периода жизни. Он словно бы предчувствовал, что идет по жизни навстречу смерти. До сих пор у меня нет однозначного ответа на вопрос: откуда эти бесконечные темы и образы смерти и пыток в творчестве Пушкина 30-х годов? Ответов на этот вопрос нет во всей необъятной научной литературе о Пушкине. Этот мрачный колорит – затекст пушкинской творческой биографии 30-х годов.

Есть небольшая работа Ходасевича, которая проливает свет на этот вопрос. Эту работу невозможно отнести к истории поэзии, к истории русской литературы. Ходасевич был поэт, и как поэт соединял твердо установленные факты с вымыслами. У биографии Пушкина получался весьма своеобразный затекст. Мрачный тон творчества и всей жизни Пушкина 30-х годов Ходасевич объясняет трагическим событием личной жизни Пушкина.

11 января 1825 года друг Пушкина по Лицею декабрист И.И. Пущин навестил поэта в его ссылке в селе Михайловском. Он пережил друга и

написал воспоминания. Он рассказал, как Пушкин повел его осматривать дом, в котором Пушкин проводил время изгнания, и гость увидел среди крепостных девушек одну беременную. Пушкин подтвердил, что это его возлюбленная [1, с. 109].

Ходасевич склеивал свое построение из мельчайших деталей. Например, в главе IV «Евгения Онегина», описывая времяпровождение Онегина в деревне, Пушкин среди его развлечений упоминает «Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй». В письме Пушкина П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года поэт свидетельствует, что описал деревенскую жизнь Онегина по примеру своей собственной. Отсюда Ходасевич делает вывод, что возлюбленная Пушкина была черноглаза.

В письме от конца апреля – начало мая 1826 года Пушкин пишет в Москву одному из самых близких друзей князю П.А. Вяземскому: «Милый мой Вяземский, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем – потолкуем когда-нибудь на досуге. Покаместь дело не о том. Письмо тебе это вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покаместь отдать в какую-нибудь деревню – хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей-богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны – кто чем. Отвечай же подробно» [7, с. 205–207].

Ходасевич замечает, что описанный Пушкиным в главе I романа «Дубровский» гарем Троекурова, напоминает собственный гарем Пушкина. Подобное было в нравах эпохи. В следующем письме (вторая половина, не позднее 24 мая) Пушкин спрашивает П.А. Вяземского: «Видел ли ты мою Эду? вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?»

Большое поместье Болдино Нижегородской губернии принадлежало отцу А.С. Пушкина; а он в свою очередь выделил части имения детям – дочери, в качестве приданного, младшему сыну Льву и старшему Александру перед его женитьбой. Когда в 1834 году управляющим имением был назначен пожилой, опытный крепостной крестьянин И.М. Пеньковский, А.С. Пушкин просил отца переменить свое решение: Пеньковский

разговаривал с Пушкиным грубо и вообще вел себя неподобающе.
Вот каким письмом ответил Пушкину Вяземский.

«П.А. Вяземский – Пушкину

10 мая 1826 г. Москва

Сейчас получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видел, а доставлено оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полулюбовное, полураскаятельное, полупомещечье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда, волею божиею, ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде. Я рад был бы быть восприемником и незаконного твоего «Бахчисарайского фонтана», на страх завести новую классико-романтическую распря хотя с Сергеем Львовичем или с певцом Буянова, но оно не исполнительно и не удовлетворительно. Другого делать, кажется, нечего, как то, что я сказал, а во всяком случае мне остановить девушку (*ou peu s'en faut*)* нет возможности... Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем. Потом мы опять имели несчастье лишиться 3-хлетнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь поневоле. Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжело. Я рад, что ты здоров и не был растревожен. Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай в печать! Только не трать чернил и времени на рукописное. Я надеюсь, что дело обойдется для тебя хорошо. Ты, вероятно, знаешь, что Карамзины отправляются в чужие края за болезнью Николая Михайловича, Жуковский также. А Хвостовы и Булгарины здравствуют. Что ты давно ничего не печатаешь? А «Цыгане»? А продолжение «Евгения»? Ты знаешь, что твой Евгений захотел продолжиться и жениться на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегической по наружности. Я сердечно полюбил и уважил Баратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная. Прощай, *ma chair à beaux vers**. Как Василий Львович потеет вековечно, так и от тебя идет испарина хороших стихов. Тебе не нужно для того топить бани: ты везде в

бане. – В конце месяца думаю съездить в Петербург проститься с Карамзиными. Жена тебе очень нежно кланяется.

10-го мая.

*или почти что(фр.)

*стихотвествующая моя скотинка (фр.)» [б, с. 241– 242]

Ходасевич обращает внимание читателя на то, что с этого времени, с начала 30-х годов, тема любовницы-крестьянки навсегда исчезает из переписки Пушкина, и вообще из его биографии. Нет никаких известий о ее судьбе. Вместе с тем, совокупность упомянутых фактов говорит, по мнению Ходасевича, о том, что управляющий болдинским имением был отцом крепостной любовницы Пушкина; что он настаивал на том, чтобы Пушкин женился на его дочери. Подобные браки аристократов и крестьянок нечасто, но заключались в начале XIX века в России. Пушкин ответил отказом крепостному, который желал быть его тестем, поэтому крестьянин-управляющий непочтительно говорил с баринном. Когда стало ясно, что Пушкин не женится на девушке-крестьянке, которую он, по его собственному слову, «обрюхатил», девушка вместе со своей незаконнорожденной дочерью бросилась в воду и покончила жизнь самоубийством. В это же время в творчестве Пушкина начинается мрачная полоса, которая с ограниченными перерывами продлилась до его гибели. Одновременно внимание Пушкина привлекает ряд литературных и драматических произведений, в которых девушка, вне брака родившая ребенка высокопоставленному аристократу и отвергнутая отцом ребенка, кончает жизнь самоубийством. Самое нашумевшее произведение такого рода была «Леста Днепровская (Днестровская) русалка». Необыкновенно популярное музыкально-драматическое произведение, обошедшее все театральные подмостки сначала Германии, потом остальной Европы, в том числе и России. Центральная коллизия там – самоубийство матери незаконнорожденной дочери после того, как искатель-аристократ не пожелал вступить с девушкой в брак.

Это необыкновенно популярное произведение, по мысли Ходасевича, никак не могло пройти мимо внимания Пушкина. Около этого же времени трагическая коллизия гибели обманутой девушки, ее самоубийство вместе с ребенком и превращение их в русалок возникает в творчестве Пушкина. У него слагается своеобразный миф о развратнике-барине и его жертвах – бедной крестьянке и их общей внебрачной дочери.

Первый эпизод такого рода – недоработанная трагедия Пушкина под условным названием «Русалка». В 1832 году Пушкин извлек ее из своих заготовок конца 20-х годов. Хорошо знакомый уже нам сюжет разрабо-

тан подробно и оборван, когда основные его возможности исчерпаны. Мрачный образ князя-соблазнителя, погубителя юной девушки, отвернувшегося от их дочери. Сюжет этот подхвачен в «Яныше Королевиче» из «Песен Западных славян».

Ходасевич считает, что эти два произведения – первые свидетельства самоубийства девушки-крестьянки – любовницы Пушкина. Есть у него аргументы и другого рода. Он говорит, что в 1830 году, перед свадьбой, отправиться в Болдино Пушкин бы не мог, если бы там жили его брошенная любовница и их дочь. Ему бы совесть не позволила. Даже то, что умирающий Дон Гуан перед смертью вспоминает об умершей Инезе, навечно, по мнению Ходасевича, смертью крестьянки-любовницы Пушкина.

Как видим, ни одного по-настоящему убедительного аргумента в пользу своей гипотезы Ходасевич не нашел. Факты не противоречат ей, но и не поддерживают ее. Его аргументация сплетена из более или менее далеких ассоциаций и более или менее убедительных предположений. Таким образом, пока мы не видим ни одного затекста, который бы непреложно свидетельствовал о самоубийстве пушкинской крестьянки любовницы.

Но нет других данных, которые объяснили бы постоянные трагические ноты в творчестве Пушкина во второй половине его жизни. Я готов сказать любому скептику: «Вы не согласны... Но откуда у Пушкина эти образы? Кто эти два ангела с пылающим мечом и крыльями, подстерегающие его?» Внятного объяснения нет.

Трудно пройти, отвернувшись от всей совокупности собранного Ходасевичем материала. Аргументация содержит богатую пищу для размышлений, и читатели, в зависимости от жизненного и литературного опыта, могут по-разному воспринимать развернувшуюся перед ними картину. Ходасевич поставил проблему, но не разрешил ее.

Однако Пушкин был поэт, и Ходасевич был поэт. Ходасевич обращается к рассмотрению лирики Пушкина. Первое стихотворение, которое относится к поставленной проблеме, – это «Воспоминание» 1828 года. Одно из самых мрачных, трагичных стихотворений Пушкина, покаянное «Воспоминание». Ему посвящена значительная литература, включающая статью академика Л.В. Щербы. [12, с. 26–44]. Пушкин опубликовал только первую половину стихотворения. Последнюю, покаянную, читатели узнали после смерти поэта. Вот она:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит холодный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
Решенье глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака молодые,
Две тени милые, – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

Ходасевич подводит нас к мысли о том, что два ангела с пламенным мечом – это загубленные Пушкиным любовница и их общая дочь. Два года спустя Пушкин с промежутком в один месяц написал «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней...». Ходасевич утверждает, что это продолжение той же темы – чувственные воспоминания о его умерших женщинах. Он сообщает еще одно тонкое наблюдение. Отмечает, что какую-то пагубную роль в судьбе крестьянки–возлюбленной Пушкина и их несчастной дочери играли мельник и мельницы. Он обращает внимание на то, что они упоминаются более или менее подробно в «Деревне» (июль 1819), «Русалке» (в начале 1826?), «Вновь я посетил...» (26 сентября 1835), «Графе Нулине» (13 и 14 декабря 1835), «Евгении Онегине» (с 9 мая 1823 по 25 сентября 1830). При этом в «Русалке» мельник – несчастный отец совращенной и загубленной дочери; «Вновь я посетил» – лирическая обработка чувств мельника из трагической «Русалки», напоминает оба монолога князя из «Русалки» с их темами быстротечности и хрупкости жизни.

А в «Евгении Онегине» мельница возникает в дьявольской картине сна Татьяны:

Вот мельница в присядку пляшет
И крыльями трещит и машет.

Я могу список Ходасевича пополнить еще двумя стихотворениями,

ускользнувшими от его внимания. Это «Тень Фонвизина» (Лицей), «Осень» (1833). В большей части этих текстов тема мельницы связана с разлукой героя со своей возлюбленной. В «Русалке» оба монолога князя произносятся в виду мельницы. Ходасевич подметил, что стихотворение «Вновь я посетил...» напоминает оба монолога князя в «Русалке»: все в мире меняется, поэтому влюбленным необходимо расстаться; жизни разбиты – и мельница скривилась.

Можно сказать, что миф о мельнице, сопровождающий человеческую трагедию, поддерживает миф о брошенной и перевоплотившейся в русалку девушке. Ветряные мельницы с XVI–XVII веков оживляли пейзажи в Западной Европе, начиная с Нидерландов, и несколько позже перешли в Россию. Размахивая крыльями, они очеловечивали пейзаж: их крылья напоминали человеческие руки в минуты возбужденного разговора. В литературе мы знаем подобное изображение мельниц. В знаменитом романе Сервантеса глава VIII прямо называется «О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем».

«Помилуйте, сеньор, – возразил Санчо, – то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, – это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова» (перевод Н.М. Любимова). Выражение «сражаться с ветряными мельницами» стало крылатым и вошло в русскую речь.

Я могу вспомнить один единственный эпизод в поэзии, в котором мельницы выступают как гигантский человекоподобный затекст, человеку не враждебный, а благоприятствующий. В стихотворении Пастернака «Мельницы» (1915) в книге «Поверх барьеров» есть такой эпизод:

Тогда просыпаются мельничные тени.
Их мысли ворочаются, как жернова.
И они огромны, как мысли гениев,
И несоразмерны, как их права. [5, с. 97]

Лекция 3

О ЗАТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «Я ВАС ЛЮБИЛ: ЛЮБОВЬ ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТ...»

«Я Вас любил:...» – это лирическое стихотворение, а лирика – это субъективный вид творчества. В ее восприятии многое зависит от затекстов. Во-первых, автор субъективно выбирает темы, образы. Во-вторых, восприятие лирического стихотворения в огромной степени зави-

сит от читателя или слушателя, от нашей с вами подготовленности к встрече с этим стихотворением (это уже область затекстов).

Что значит «подготовленность»? У каждого из нас свой жизненный, литературный, поэтический опыт. Люди по-разному знают поэзию, русскую и мировую. И от этого зависит разница в восприятии. Даже обстановка, в которой мы воспринимаем стихотворение, сильно на это влияет. Одно дело – за уютным столом, другое – за партами в школьном классе, и уже пятый или шестой урок (опять область затекстов). И так далее. Разновидностей обстановки может быть много. Обычно с этим не считаются, а на самом деле... Представьте себе, что вам читает свое стихотворение Пастернак. А через несколько дней то же самое стихотворение вам читает педагог. Профессионал – это хорошо, конечно, но разве можно сравнить это с чтением Пастернака! Если вы слушаете Пастернака, то на вас действует уже сама мысль о том, что автор – великий поэт – читает вам свое стихотворение. Действует и то, что он, конечно, прочтет свое стихотворение ярче, чем другой человек (важнейший затекст!). Так что лирика – это необыкновенно субъективный род творчества. Это всегда нужно учитывать. И поэтому я с величайшей осторожностью говорю, что это стихотворение Пушкина, которое мы разбираем, – мое любимое. Здесь тоже важно, в какой обстановке его читать, в какой момент жизни. Невольно проецируешь на свой опыт, свои переживания. У меня получилось так, что я впервые прочитал это стихотворение в рубежный период жизни, и оно стало для меня открытием (опять затекст).

Напомню вам это необыкновенное стихотворение.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Поразительные восемь стихов! Можно соглашаться с моим отношением к этому стихотворению, можно не соглашаться, но никто не будет спорить против того, что это одно из величайших стихотворений Пушкина. А если мы скажем, что это одна из вершин всей русской лирики, то тоже, наверное, охотника оспаривать это утверждение не найдется. Это величайшая особенность лирики: восемь стихов Пушкина навсегда вошли в литературу народа.

Конечно, прежде всего перед нами встает вопрос, кому Пушкин посвятил это стихотворение. Называют несколько «претенденток».

У меня есть академическое собрание сочинений Пушкина, подготовленное крупнейшим за все прошедшие после гибели Пушкина годы пушкиноведом Борисом Викторовичем Томашевским. Это был ленинградский ученый первой половины XX века. Его издание Пушкина, им же прокомментированное, – самое авторитетное. Самого большого внимания и доверия заслуживают не только двоеточия и запятые, но и эти комментарии. И он был осторожен в комментариях. Обычно Томашевский указывал, насколько вероятно то, что он говорил. А в комментариях к этому стихотворению он даже вероятную концепцию не дал. Стихотворение написано в 1829 году; у меня сложилось впечатление, что Пушкин здесь говорит о любви, которая была у него задолго до этого срока (важный затекст).

В жизни Пушкина была Каролина Собаньска, предприимчивая женщина, полька. У Пушкина было несколько романов с польскими женщинами, его тянуло в ту сторону. Трех из них я мог бы назвать. Познакомился он с ней в Одессе. Личность она была очень яркая. У нее была родная сестра, которая вышла замуж за Мицкевича. Мицкевич был великий польский поэт, а Каролина Собаньска пережила большой глубокий роман с великим русским поэтом – Пушкиным. Этот роман оставил след в жизни их обоих. Вообще о Каролине Собаньской и о ее жизни после Пушкина есть серьезные исследования. Они расстались, когда Пушкин был переведен из Одессы в ссылку в Михайловское. В Одессе, к счастью, Пушкин не знал, что Каролину Собаньску приставил к нему глава одесской полиции, чтобы она сообщала ему обо всех предосудительных мыслях и разговорах поэта. Представляете – такая любовь?.. (затекст).

Их близкое знакомство относится к 1820-м годам. В это время Пушкин написал свою трагедию «Борис Годунов». Значительное место в ней занимает польская дама Марина Мнишек, решительная, предприимчивая, с авантюрной жилкой в характере. Можно предположить, что в значительной степени этот характер Пушкин заимствовал у Каролины Собаньской, запечатлев таким образом навсегда память об этой своей возлюбленной.

Вам, несомненно, известно стихотворение Пушкина:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Это стихотворение, мы точно знаем, Пушкин посвятил Анне Петровне Керн. Есть ее воспоминания. Она была родственницей соседки Пушкина по имению и приезжала к тетушке. Первая их встреча произошла в январе–феврале 1819 года в Петербурге, следующая, насколько нам известно, – в селе Михайловском во время ссылки Пушкина и в имении его соседей Тригорском. Никто точно не может сказать, возобновился ли их роман. Это ведь редко можно сказать с уверенностью. Но они, несомненно, встречались. Когда она уезжала, Пушкин подарил ей только что вышедшую из печати главу «Евгения Онегина». Он вначале издавал свой роман «поглавно», как он говорил, то есть отдельными главами. Тогда страницы в книгах не разрезали (затекст). Потому что печатный лист – это 16 страниц. Так закладывали в машину, а когда переплетали, то этой целостности не нарушали. Любители предпочитали покупать книги в таком виде, а потом сами разрезали страницы специальным ножом. Вот с такой брошюрой Пушкин пришел на последнее свидание с Анной Петровной Керн и подарил ее ей. Между неразрезанных страниц ее он вложил лист бумаги с текстом стихотворения, посвященного А.П. Керн. Она в своих воспоминаниях рассказала любопытную подробность: когда Пушкин передал ей эту главу с неразрезанными страницами, из нее выпал лист с текстом стихотворения «Я помню чудное мгновение...», Пушкин нагнулся, поднял его и не хотел отдать А.П. Керн, с большим трудом она выпросила у Пушкина этот лист обратно.

Я понимаю этот эпизод так. Когда поэт, тем более великий поэт, посвящает стихотворение женщине, чаще всего он создает не поэтический портрет этой дамы или девушки, а обобщенный портрет женщины своей души, поэтому так часты споры о предмете поэтического вдохновения, выраженного в стихотворении, посвященном женщине. Можно думать, что, передав А.П. Керн лист со стихотворением «Я помню чудное мгновение...», Пушкин почувствовал, что его панегирик недостаточно соответствует оригиналу. Представьте себе, что А.П. Керн не написала бы своих воспоминаний, вряд ли кому–нибудь пришло бы в голову, что стихотворение о чудном мгновении посвящено ей. Ряд комментаторов этого стихотворения вообще считает, что в нем Пушкин воспел не женщину, а свою Музу.

Текст этого стихотворения привлек внимание М.И. Глинки, и неудивительно: его роль в русской музыке нередко сравнивали с ролью Пушкина в литературе и называли его Пушкиным музыки. А.П. Керн рассказывает, что Глинка попросил у нее текст Пушкина, чтобы написать к нему музыку; музыку написал, романс стал очень известен, а текст Пушкина А.П. Керн Глинка не вернул.

Когда Пушкин был освобожден из ссылки и приехал в Москву, Вяземский спросил его, встречался ли он вновь с А.П. Керн. Пушкин ответил: «Встречался, и не просто встречался, а с Божьей помощью, я ее...» Далее следует такое слово, которое ни разу не было потом воспроизведено в письмах Пушкина, только многоточия. Говорят, трудно предположить, чтобы Пушкин так о ней отозвался. Поэтому в издании Б.В. Томашевского вы вообще не найдете указания, кому посвящено это стихотворение Пушкина. Томашевский предпочел воздержаться. На мой взгляд, он поступил мудро. Здесь кончается наш разговор об адресате стихотворения «Я Вас любил:...».

Но замечательный поэтический комментарий к стихотворению Пушкина и его судьбе в руках Керн и Глинки создал поэт середины XX века Павел Антокольский. Стихотворение называется «Баллада о чудном мгновении». Стихотворение длинное, и я вам сейчас его прочту полностью.

...Она скончалась в бедности. По
странной случайности гроб ее
повстречался с памятником
Пушкину, который ввозили в
Москву.
Из старой энциклопедии

Ей давно не спалось в доме деревянном.
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновенье чудном
Голоском еле слышным, дыханьем трудным.
А по чести сказать, о мгновенье чудном
Не осталось грусти в быту ее скудном,
Потому что барыня в глухой деревеньке
Проживала как нищенка, на медные деньги.

Да и, господи боже, когда это было!
Да и вправду ли было, старуха забыла,
Как по лунной дорожке, в сверканье снега
Приезжала к нему – вся томленье и нега.
Как в объятиях жарких, в молчанье ночи
Он ее заклинал, целовал ей очи,
Как уснул на груди и дышал неровно,
Позабыла голубушка Анна Петровна.
А потом пришел ее час последний.
И всесветная слава и светские сплетни
Отступили, потупясь, пред мирной кончиной.
Возгласил с волнением сам благочинный:
«Во блаженном успении вечный покой ей!»

Что в сравненье с этим счастье мирское!
Ничего не слыша, спала, бездыханна,
Раскрасавица Керн, боярыня Анна.

Отслужили службу, панихиду отпели.
По Тверскому тракту полозья скрипели.
И брели за гробом, колыхались в поле
Из родни и знакомцев десяток – не боле,
Не сановный люд, не знатные гости,
Поспешали зарыть ее на погосте.
Да лошадка по грудь в сугробе завязла.
Да крещенский мороз крепчал как назло.

Но пришлось процессии той сторониться.
Осадил, придержал правее возница,
Потому что в Москву, по воле народа,
Возвращался путник особого рода.
И горячие кони били оземь копытом,
Звонко ржали о чем-то еще не забытом.
И январское солнце багряным диском
Рассиялось о чем-то навеки близком.

Вот он – отлит на диво из гулкой бронзы,
Шляпу снял, загляделся на день морозный.
Вот в крылатом плаще, в гражданской одежде,
Он стоит, кудрявый и смелый, как прежде.
Только страшно вырос, – прикиньте, смерьте,
Сколько весит на глаз такое бессмертье!
Только страшно юн и страшно спокоен, –
Поглядите, правнуки, – точно такой он!

Так в последний раз они повстречались,
Ничего не помня, ни о чем не печалась.
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновение чудном.
Так метель обвенчала нежно и грозно
Смертный прах старухи с бессмертной бронзой,
Двух любовников страстных, отплавших
розно,
Что простились рано, а встретились поздно.
1954

Однако кому бы оно ни было посвящено, в нем замечательно полно выразился пушкинский поэтический гений. И оно с давних пор привлекает внимание читателей и литературоведов. Есть несколько отдельных работ об этом стихотворении, в том числе и вашего покорного слуги.

Что же касается стихотворения «Я Вас любил:...», то две серьезные работы на эту тему выполнены выдающимися филологами: Виктором

Шкловским и Романом Якобсоном. А я осмелился вступить с ними в спор со своими опровержениями.

Вот я принес показать вам книгу. (Показывает книгу). Она приятно переплетена, но это уже я отдавал ее в переплет. Когда она попала в мои руки, она была замусолена, с надорванной обложкой, без титульного листа, вообще в безобразном состоянии. Я, как мог, привел ее в порядок. Издание это редчайшее. Книга вышла в свет в 1919 году, после революции и во время Гражданской войны. На газетной бумаге, несколько сот экземпляров. Тут тираж не указан, но мы знаем, что в то время другие книги издавались так же.

В то суровое время, когда были голод и смерть, люди мерзли, интеллигентов расстреливали, собрались несколько молодых людей и сказали, что до них язык и литературу изучали неправильно, а вот они знают, как это правильно делать и они это покажут всем. Эта группа решила издавать сборник под названием «Поэтика». Начали они с этой вот книги.

Первой здесь стоит небольшая, на несколько страничек, статья Виктора Шкловского под названием «Потебня». Напомню вам, что Александр Афанасьевич Потебня был одним из крупнейших отечественных филологов XIX века. Он был очень своеобразен, уходил от славы, жил в провинции и печатался в изданиях провинциальных университетов. Найти нужную его работу бывает нелегко.

И замысел авторов «Поэтики» сбылся. Шкловский, Эйхенбаум (между прочим, наш земляк, отец его был врач из Красного) и Тынянов (были еще несколько литераторов, но ядро – эти трое) создали так называемый ОПОЯЗ, буквально «Общество поэтического языка». Оно вошло в историю российской и мировой науки. Вот, я принес еще одну книгу, она посвящена ОПОЯЗу и издана в Австрии. У меня есть и немецкий текст, и переведенный. В переводе некоторое участие принимал я. Ее автор Оге А. Ханзен-Леве. Я об этой книге не очень высокого мнения, но другого ничего пока нет. Это книга об отечественной формальной школе. Материал в ней большой, расположен со строгой немецкой точностью, разделы пронумерованы, есть отсылки от одного раздела к другому. Читать эту книгу трудно, потому что обыкновенное человеческое восприятие здесь принесено в жертву немецкой системности.

Мы посвятили этому труду заседание филологического семинара. Одна девочка познакомилась с книгой Ханзен-Леве и представила о ней доклад.

Было обсуждение. И у меня сложилось в результате впечатление, что я прав в своем несколько настороженном отношении к этой книге. Но в ней богатая библиография. А какие имена!.. Возможно, эта книга

еще есть в наших книжных магазинах и ждет своего читателя-покупателя. Я не говорю, что ее нужно обязательно прочитать, но если это аспиранты, собирающиеся связать свою судьбу со священной русской литературой, то я думаю, что такая книга будет дома не лишней. Она есть и в библиотеке: когда она появилась у нас, я просил библиотеки приобрести ее для читателей. Вышла в свет она в 2001 году.

Якобсон был очень яркой фигурой. Я был знаком с ним только заочно: мы несколько раз обменялись своими работами. Но я знаком с некоторыми его учениками – теперь американскими, кое-кого даже расспрашивал о нем специально. Два года назад вышел большой том, посвященный Якобсону. Там есть несколько его прежде неизвестных статей и о нем статьи и воспоминания. Несколько лет назад я прочитал аспирантам специальный курс «История науки в биографиях ученых», несколько лекций там были посвящены Якобсону. Может быть, у аспирантов тех времен эти записи сохранились. Связного текста у меня никогда не было. Готовлюсь я тщательно, но гладкого текста не пишу, мне это скучно.

Издано собрание сочинений Якобсона. Такое бывает чрезвычайно редко. Собрания сочинений писателей издают, а ученых – редко. Есть собрания сочинений Александра Николаевича Веселовского, Жирмунского. У Гаспарова нет собрания сочинений, но он при жизни об этом позаботился. У меня есть 37 подаренных им книг. Собрание сочинений Якобсона замечательно, в Смоленске его нет, есть в Москве в бывшей Ленинской библиотеке. Так что база для освоения наследия Якобсона есть.

Знакомство с его трудами произвело на меня двойственное впечатление. Главное, конечно, – изумительная проницательность, смелость в постановке новых в науке вопросов. Мало кто в этих основных сторонах деятельности ученого может с ним сравниться. Его все время зажимали у нас: как же – эмигрант! В Советском Союзе эмигрантов отрезали железным занавесом.

И вдруг издали три его книги (сборники статей). Это постарались его ученики и коллеги, влиятельные академики. В одной из этих книг я нашел довольно большую статью «К общему учению о падеже». Интересовала ли вас когда-нибудь эта проблема? Вряд ли. И меня она тоже никогда не интересовала. А тут я прочитал – и был потрясен! Я решил, что должен рассказать об этом студентам. Назначил филологический семинар. Пришло довольно много народу. Конечно, не из-за падежа имен существительных (смеется), а из-за того, что Якобсон. Ну, и может быть, частью из-за того, что я. 70 аудитория была набита битком. Однако не все студенты пришли. Некоторые не догадались, что это будет интересно и полезно. Другие были заняты в это время на четвертой

паре. В общем, на следующий день студенты ко мне подходили и говорили: «Ой, я не мог [или не могла] быть на Вашей вчерашней лекции, но нам в общежитии пересказывали ее ребята, которые были там. Но я не понял [или не поняла]...». И задавали вопросы по этой лекции. Словом, такого другого успеха научного доклада я не могу припомнить.

...Вот это Якобсон. Но наряду с этим у него есть фантазии. Я это давно замечал. Есть и откровенные промахи. Некоторые из них я вам покажу. И связаны они с этим гениальным стихотворением Пушкина, которое мы разбираем.

В 1961 году в Варшаве впервые после Второй Мировой войны состоялся Международный Конгресс славистов. Большое впечатление на мировую филологическую науку произвел доклад Романа Якобсона «Грамматика поэзии и поэзия грамматики». Это был не первый Конгресс славистов. Они проводятся с периодичностью в 8 – 10 лет в разных странах. Вот был в Варшаве, в Москве, в Нью-Йорке и, представьте себе, – в Смоленске! Американские ученые были так заинтересованы выступлениями моих учеников и моими в Петербурге, что потребовали провести следующий конгресс в Смоленске. У нас была большая экспериментальная часть, и они хотели увидеть те лаборатории, в которых она выполнялась на компьютерах. И хотя крупнейшие российские ученые резко возражали: какой-то Смоленск после таких городов! – но американцы настояли на своем.

И прошел у нас конгресс, и были опубликованы материалы, но в них ни слова не было сказано о том, что это было в Смоленске. Вот таковы нравы, такова научная ревность. Но это все затексты науки о литературе (смеется).

Я опубликовал материалы в наших Ученых записках. И указал, что это Международный Конгресс филологов.

Якобсон выступал на тех конгрессах, на которые мог поехать. В Москву его не пустили. К нам он не мог приехать, потому что был уже глубоким стариком, тяжело больным. На нашу конференцию он своих материалов прислать не мог, потому что уже не работал.

В своих докладах на конгрессах он всегда стремился потрясти участников какой-нибудь новой идеей. И у него это отлично получалось.

На этом мы сегодня остановимся. Я и не предполагал, что уложусь в одну лекцию. Мне хотелось немного приобщить вас к ОПОЯЗу, формальной школе. Я знаю, что вы слушали об этом также моих прекрасных учениц: Ирину Викторовну, Ларису Викторовну.

Слушатель: «А Конгресс в Смоленске был устроен в Вашу честь, конечно? (Смеется.)»

Лекция 4

О ЗАТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

«Я ВАС ЛЮБИЛ: ЛЮБОВЬ ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТ...» (ОКОНЧАНИЕ)

Я в прошлый раз столкнулся с интересным вопросом, о котором не мог рассказать вам экспромтом. Мне было нужно небольшое наглядное пособие.

Вот, я его принес и сейчас все про него расскажу. В начале лекции я сказал вам, что лирика – наиболее субъективный вид поэтического творчества и стал объяснять, почему. Между другими причинами я назвал следующую: очень многое в восприятии лирического текста зависит от знаний человека.

То есть, что он знает и как своими знаниями распоряжается. Например, каждый из нас знает, что существуют убийцы. Мы считаем, что это негодяи.

Но есть такие люди, которые считают, что убийцы – молодцы, и так и нужно жить. У нас с вами понятие «убийство» помещается в ящике сознания, где находятся всякие отбросы. А у убийц – в каком-нибудь парадном шкафу, там, где самые восхитительные для них явления. Есть такая школа психологии, которая считает, что главное в том, как в сознании человека распределены по «ящичкам» и «шкафчикам» различные понятия. Эта школа соприкасается с лингвистикой. У меня есть случай немного рассказать вам об этом.

В русской лингвистике этого нет, и это не случайно. А у меня есть английская книга. Она издана 10 лет назад и называется «Стандартный тезаурус английского языка». Это первая такая книга в мире. Теперь уже есть подобные тезаурусы на некоторых других языках. Суть в том, что это словарь. По латыни «тезаурус» – это «богатство». Подобные словари вначале так и назывались – словари Библии, затем светского языка.

Этот словарь-тезаурус составлен не так, как обычные словари, не по алфавиту. Книга разделена на шесть отделов-классов. В первом классе слова самого общего смысла. Во втором классе слова, относящиеся к пространству. Третий класс – слова о материальном, вещественном мире. Четвертый класс – слова интеллектуального мышления. Пятый класс – слова свободного мышления. Шестой класс – слова из сентенций и моральных правил поведения.

Считается, что весь современный английский язык укладывается в эти шесть классов. Внутри каждого класса есть свои подразделы, внутри каждого подраздела собственные подразделы. Так словарь доходит до деления, где всего несколько десятков слов, иногда меньше десяти. И это половина книги.

Вторая ее половина – это обыкновенный алфавитный словарь, но против каждого слова есть указание, к какой ячейке первой половины это слово относится.

Труд этот очень большой. На русском языке подобного тезауруса, я думаю, еще долго не будет. Потому что одно и то же слово у разных носителей русского языка находится в самых разных клеточках сознания. Например, «демократия». У кого–то это важнейшее понятие, а у другого – ненавистное (смеется). Я не знаю, как это отразить в тезаурусе.

Вот мы с вами читаем: «Я Вас любил:...». Если в вашей жизни была любовь, которая потом рухнула с болью для вас, вы воспринимаете эти строки совершенно иначе, чем какой-нибудь пятиклассник, которому задали прочитать или прочитали это стихотворение.

...любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем.

Если вам ясно такое состояние, вам приходилось что–то подобное переживать, чтобы любовь еще тлела, но уже угасала – так это одно восприятие пушкинского стихотворения. А если у вас такого переживания не было в жизни, то оно будет воспринято совсем иначе.

...Я не хочу печалить Вас ничем.

Может быть, у вас такой характер: она вас разлюбила, а вы не только не желаете ей зла, но хотите как-то смягчить для нее этот разрыв.

Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим.

Вообще ситуация разрыва двух любящих людей – одна из самых распространенных в европейской литературе. Не знаю, может быть, и в других. Начиная с Библии, с классической филологии, вы найдете массу примеров на эту тему. Я ее любил, а она меня оставила – что мне делать? Я ее убью. Или она меня оставила и ушла к другому – я его убью. Или я их обоих убью. Или покончу с собой. Вот четыре выхода из положения. А Пушкин предлагает нам совершенно другое: теплое, человеческое, альтруистическое. У него герой не думает о себе, он думает только о женщине, которую он любил. Не думает о сопернике, и не знает, кто будет следующим. Он говорит:

Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам Бог любимой быть другим.

Необыкновенное великодушие! Вот в такую клеточку сознания помещается у него ситуация разрыва с любимой женщиной.

Теперь я обращаюсь к последующему изложению своей мысли, лежащей в основе лекции. Я хочу продолжить изложение того, как надо анализировать лирическое стихотворение. Прежде всего, надо иметь в виду, что оно многозначно. Разными людьми один и тот же текст воспринимается различно. Это зависит, как мы уже говорили, от жизненного, литературного опыта, ситуации, в которой человек был в то время, когда знакомился с этим произведением, и еще от целого ряда причин. Поэтому слушателю, читателю нельзя ничего навязывать: вот это хорошо, а это плохо. Филолог должен читать текст.

В прошлый раз я начал с того, что в 1961 году на Всемирном Конгрессе славистов Якобсон прочитал свой доклад «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Доклад этот произвел сильное впечатление на филологов всего мира. Кроме одного. Этим единственным был я. Насколько мне известно. Может быть, еще кто-то, но я не знаю. Якобсон развивал такую мысль...

Еще в XIX веке считалось, что поэтический текст отличается от прозаического образностью. Поэтическое значит образное. В отечественной культуре эту идею вначале развивал Белинский, который перенял ее у Гегеля, а затем замечательный лингвист середины XIX века Потебня – филолог очень широкого размаха. Потебня внес в изучение искусства слова сильную литературоведческую струю, связывая ее именно с этой идеей. Между понятиями «поэтическое» и «образное» он ставил знак равенства.

Следовательно, лирическое стихотворение нужно рассматривать как систему образов. А Якобсон заявил, что это неправильно. Наше художественное впечатление от стихотворения зависит в первую очередь, сказал он, от его грамматической структуры. И показал это на примере стихотворения Пушкина «Я Вас любил:...». Он сказал, что в этом стихотворении образов нет, но впечатление оно производит неотразимое. Многие считают эту миниатюру вершиной лирики Пушкина и русской поэзии вообще. Я тоже так считаю. Но не потому, что здесь много местоимений, особым образом расставленных. Каким именно образом, Якобсон не объясняет. И благодаря этим местоимениям стихотворение производит на читателя такое сильное впечатление.

Давайте проверим это утверждение. Выделяем местоимения: *Я Вас, в моем, она Вас, я Вас, я Вас, Вам другим*. Получили вы «эстетическое наслаждение» (смеется) от моего чтения? Не получили.

Здесь, как подметил Якобсон, есть всего пять имен существительных. А местоимений больше. Выделим эти пять имен существительных.

ных. Яacobсон небрежно говорит, что они принадлежат умозрительной сфере: *любовь, душа, робость, ревность* и *Бог*. По-моему, эти слова принадлежат к самым важным для человека. *Любовь* – это обсуждать не нужно. Или надо просто сослаться на Фрейда. Это он считает, что нами руководит любовь.

Душа... Моя кафедра составляет частотные словари, многие из них относятся к XIX веку. Слово «душа» там обычно на первом или на втором месте среди всех имен существительных. Мы не пренебрегаем частотными словарями других ученых, там тот же результат. Иногда это слово может быть сдвинуто на несколько номеров вниз, но всего на несколько.

Расскажу вам исторический анекдот. Одна дама спросила Жуковского: «Василий Андреевич, что такое романтизм? Все кругом говорят: романтизм, романтизм! А что это такое, никто не может объяснить». Эта дама филологического образования не получала – как Жуковскому было ей объяснить? Но он не растерялся, на то он был Жуковский. Он сказал: «Мадам, романтизм – это душа». И попробуйте это опровергнуть! (Смеется.)

Следующие слова в нашем списке: *робость, ревность*. Может быть, они не такие важные, как два предыдущих, но каждый из нас встречался с такими чувствами и хорошо их себе представляет.

И *Бог*. Думаю, доказывать, что это важнейшее слово, не нужно.

Местоимения здесь самые заурядные, более чем заурядные. Они одни и те же, повторяются и при перечислении их вызывают улыбку, а не какое-то серьезное чувство. А эти пять имен существительных, которые Яacobсон отодвинул в сторону, несут в себе огромный смысл для многих нормальных людей.

Я вам сказал, что на меня большущий доклад Яacobсона не произвел сильного впечатления. Даже наоборот. На прошлую лекцию я приносил вам книжечку – сборник статей ОПОЯЗа. Она открывалась статьей Шкловского «Потебня». Яacobсон похитил у Шкловского основную мысль, идею этой статьи. Шкловский был великий мыслитель, причем парадоксальный. Он любил парадоксы. Мы с вами можем высказать какую-то мысль – и все. А он не говорил просто так. Он выскажет мысль противоположную, а потом укажет ручеек, который ведет к иному пониманию, – наоборот. Любой литературовед в этом смысле назвал бы его статью «Долой Потебню». Потому что статья направлена против положения Потебни «художественное – это образное». Но статья все-таки названа именем Потебни. Потому что Шкловский мыслит парадоксально и дальше сказал то, что я вам отметил выше. Шкловский уложился в пять страничек, а Яacobсон растянул это очень подробно на целый доклад. И

сказал, что стихотворение Пушкина без образов, но благодаря местоимениям такое сильное.

Я вообще любил Якобсона-ученого. Мне почти всегда нравились его работы. Но эта история меня огорчила. Это же просто плагиат. Он воспользовался тем, что эта книжечка, которую я вам показал, мало у кого стоит на полке, мало кто ее читал и знает статью Шкловского. Сам Шкловский никогда ее не перепечатывал.

Шкловский и Якобсон страшно поссорились, на десятилетия. Якобсон эмигрировал в начале 20-х годов. Обосновался в Праге, самым активным образом участвовал в создании Пражского лингвистического кружка, в котором участвовали несколько выдающихся русских лингвистов, бежавших от советской власти. Это была прекрасная научная организация. А потом, когда Гитлер пришел в Прагу, Якобсон бежал. Он же был еврей. Бежал он с приключениями, с опасностью для жизни, пытался осесть в нескольких странах, где снова устанавливал научные связи и начинал энергичную совместную работу. Затем, спасаясь от Гитлера, бежал в новую страну, иногда, как в кино, – через заснеженные вершины... И закончил в Соединенных штатах, куда Гитлер уже не мог проникнуть. Там он и скончался через полвека.

А у Шкловского была другая биография, тоже необычная. У него была сильная общественная жилка. Он участвовал в Гражданской войне, как будто бы немного на стороне белых. Во всяком случае, когда Гражданская война заканчивалась или закончилась, ЧК на него охотилась. Был момент, когда друзья ему шепнули, что домой ему нельзя, там засада и его поджидают чекисты, чтобы расстрелять. Он эмигрировал, но жить хотел на родине. И договорился с правительством через посла какой-то страны. Ему было обещано прощение, если он не будет позволять себе ничего антисоветского.

Он вернулся и опубликовал в «Правде» статью «История одной ошибки», в которой покался в своих грехах: научных и в эмиграции, и в том, что короткое время был на стороне белых.

После этого он много печатался. В Смоленской библиотеке вы можете найти его книги. Но эту статейку вы найдете только у меня (смеется). Это я шутя говорю. Я дал ее перепечатать, она есть на кафедре, если кто-нибудь серьезно захочет ее изучить.

В своих книгах он старался ничем не обидеть советскую власть, что-то писал о литературе и языке. Это жалкое зрелище для человека, который знает, как Шкловский начинал. Он бросал такие идеи, от которых весь ОПОЯЗ шел.

И в одной из статей он задел Якобсона. Когда я это читал, я и не

подумал, что Якобсону это будет обидно. Рассказал, как они жили, как работали. А Якобсон обиделся на всю жизнь.

Когда Якобсону исполнилось 80 лет, в Москве состоялся конгресс, посвященный его юбилею. И я имел честь быть приглашенным на этот конгресс. И прочитал там доклад – парадоксальный. По материалам этого конгресса издали толстый том. И там есть две статьи, в которых подробно разбирается ссора Якобсона и Шкловского. Представляете! (Смеется)

Шкловский прожил долгую жизнь. До конгресса уже не дожил, умер за несколько лет до него.

Так совершил свой плагиат Якобсон, изложив идею Шкловского и не сославшись на него. Но оба совершили еще большую ошибку. Им так верили! И когда оба сказали, что в стихотворении Пушкина нет образов, все стали это повторять. Сколько статей было на эту тему написано, в которых на разные лады перепевали эти дикие взгляды.

Начинаю с начала. Три раза на восемь строк одинаково: «Я Вас любил».

Есть такая риторическая фигура анафора. По-русски «единоначатие». Все начинается с риторической фигуры. И есть фигура «риторическое отрицание». Пример: «Никто не пойдет на сделку с этим человеком» – это риторическая фигура отрицания. А Пушкин говорит: «В душе моей угасла не совсем». – Тоже отрицание. Дальше: «Я не хочу печалиться...». – Отрицание. Запомним глагол «печалиться». «Я Вас любил безмолвно...». – Запомним наречия «безмолвно», «безнадежно», «искренно», «нежно». Являются они поэтическими образами или нет? За ответом я обратился к величайшему авторитету в этой области Александру Николаевичу Веселовскому.

Все мы держали в руках «Историческую поэтику». В центре этой книги большой раздел «Из истории эпитета». Это исходный пункт всего учения Веселовского. Я посмотрел, что он считает эпитетами, а что не считает. Есть литературоведы, которые говорят, что эпитет – это имя прилагательное, относящееся к имени существительному. Пример: «проливной дождь»; «проливной» – это эпитет. А если наречие относится к глаголу, так это не эпитет, говорят они. Мне это всегда казалось нелепым, если сказать осторожно. Если мы говорим: имя прилагательное, которое относится к имени существительному, – мы имеем в виду согласование. А если употребляется наречие с глаголом, например, «он идет быстро» – так это ведь тоже согласование. Наречие не изменяется по родам, числам и т.д., но по всем правилам грамматики оно характеризует глагол.

Я пересмотрел всю эту статью Веселовского, которую, конечно, читал много раз, и нашел, что у него на разных языках, пожалуйста,

сколько угодно примеров эпитетов, выраженных разными частями речи.

Академик Веселовский приводит примеры на разных языках, в которых эпитетами оказываются имена существительные. Воспроизведем два из них: «Un bruit farouche, obscur, fait avec des ténèbres» [3, с. 77]. Здесь к имени существительному *bruit* (шум) даны эпитеты, выраженные как именами прилагательными *farouche*, *obscur* (неясный, мрачный), так и именем существительным: *fait avec des ténèbres* (прозвучавший во тьме). Мать сыра земля – пример из русского фольклора, где к имени существительному «земля» два эпитета: один имя прилагательное, другой – имя существительное [3, с. 79].

И с наречиями то же. Веселовский не видит в этом никакой проблемы. Приводит Веселовский также пример «Хлопья снега падают беззвучно», где эпитетом к глаголу является наречие [3, с. 89]. Так что *безмолвно*, *безнадежно*, *робостью*, *ревностью* – все это суть прекрасные и многозначительные пушкинские эпитеты, достойные стать рядом с его эпитетами «дам обдуманый наряд», «дядя самых честных правил».

В восьмистишии Пушкина есть согласование, риторическая фигура, множество эпитетов, то есть образов. Эпитет здесь – образная речь. Якобсон не увидел в стихотворении Пушкина поэтических приемов. И особенно замечательный прием – в сравнении «как».

В «Евгении Онегине» есть характеристика Ольги:

Глаза, как небо голубые...

«Глаза» здесь – основание сопоставления, «как небо» – образ сопоставления (эпитет), «голубые» *tertium comparationes* (третье сравнивающее, т.е. признак сравнения: по какому признаку глаза сравниваются с небом). В «Мертвых душах» Гоголя в описании бала у губернатора применено развернутое сравнение. Черные фраки у мужчин, белые платья дам. Мужчины перебегали от одной дамы к другой, как мухи с одного куска сахара на другой. Подобным же развернутым сравнением украшает Гоголь встречу Чичикова с Ноздревым.

И у Пушкина два заключительных стиха стихотворения «Я Вас любил:...» представляют собой великолепное сравнение, подводящее итог всему произведению. К этому замечательному афоризму шел поэт через все стихотворение, а, можно сказать, через всю жизнь.

Лирические стихотворения обычно небольшие. И в них существуют две самые важные позиции. Одна из них – первый стих или первые два стиха. Они определяют все стихотворение. Например: «Жди меня» у Симонова, «Враги сожгли родную хату» у Исаковского. И вторая позиция –

концовка. «Просто ты умела ждать, как никто другой». И у Пушкина в его восьмистишии вся сила стихотворения в двух последних строчках. Это поэтический прием кольца. В конце стихотворения повторяется начальная мысль, но не точно, а по-новому. Такой повтор производит на читателя особенно сильное впечатление. Так и в стихотворении «Я Вас любил:...». Поэт три раза приступает к мысли об этом чувстве любви, которую он пережил. Первый раз, в начале, он только сообщает об этом своем чувстве. Второй раз, в середине, он пытается с помощью эпитетов показать, как сильно он ее любил. Впечатление такое, что и этого ему мало. Тогда он находит свое заключительное сравнение, несущее ту альтруистическую мысль, о которой мы уже говорили: «Как дай вам Бог любимой быть другим». Когда концовка немного варьирует, действие произведения сильнее.

Стихотворение Пушкина «Я Вас любил:...» мы с вами рассмотрели настолько подробно, насколько нам это было доступно. Но мне жаль расставаться с этой нашей работой. Хочу обратить ваше внимание на мысль, которая напрашивается. Наши замечательные филологи названные в этой лекции и неназванные, упустили из виду тот огромный смысл, который сосредоточен в заключительном двистишии. Это произошло потому, что концовка стихотворения не осмыслена филологией, как особый поэтический прием. А мы с вами сегодня убедились в том, что она составляет неотъемлемую часть замечательного пушкинского стихотворения. Это наблюдение подталкивает нас к осмыслению концовки лирического стихотворения, как важнейшей стилистической фигуры в самом широком теоретическом контексте. Сейчас я просто выдвигаю перед вами эту мысль, каждый из вас может самостоятельно ее проверить. Прежде чем беседовать с вами об этой проблеме, я тоже ее проверил. Вот, например, концовки стихотворений Ахматовой из ее книги «Anno Domini MCMXXI». В это издание вошли и отдельные стихотворения из предыдущих книг Ахматовой:

Но скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать? (С. 17)

Любит, любит кровушку
Русская земля. (С. 37)

Да хранит святой Егорий
Твоего отца. (С. 39)

Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собою возьму. (С. 69)

Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы. (С. 75)

Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была. (С. 77)

А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят. (С. 82)

А ныне станешь нищенкой голодной
Не достучишься у чужих ворот. (С. 83)

Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой. (С. 91)

И на груди моей дрожат
Цветы не бывшего свиданья. (С. 92)

Заключительные и начальные стихи поэтического текста суть особые стилистические (риторические, поэтические) фигуры, по прихоти случая до сих пор не кодифицированные и не изученные, как традиционные. К таким фигурам относятся и *enjambement*, и синтаксическое развертывание. Обо всех этих некодифицированных фигурах мне уже приходилось говорить и писать.

На этом я с вами прощаюсь.

Литература

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в двух томах. Т. 1. М.: Худож. лит., 1974.
2. Баевский В.С. «Генералам двенадцатого года» М. Цветаевой: текст, подтекст и затекст» // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1992. № 6. С. 43–51.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Художественная литература, 1940.
4. Михайловский–Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Изд. 3–е. СПб. 1843. Ч. 2.
5. Пастернак Б. Полное собрание стихотворений и поэм / Составление, подготовка текста и примечания В.С. Баевского и Е.В. Пастернак. СПб., 2003.
6. Переписка Пушкина А. С.: в 2–х тт. Т. 1. М., Художественная литература, 1982.
7. Пушкин А. С. Полн., собр., соч., в 10 т. Т. 10. М.;Л.: издательство АН СССР, 1951.

8. Саакянц А. Марина Цветаева. М., 1986.
9. Толычева Т. Спасо-Бородинский монастырь и его настоятельница. М., 1975.
10. Цветаева М. Неизданные письма. // Paris: YMKA-Press, 1974.
11. Цветаева А. И. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974.
12. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.

Примечания

1. У этого стихотворения довольно сложная судьба в печати, да и его затекст здесь будет освещен не полностью. Я несколько раз писал о нем с разных точек зрения. Наиболее полная его характеристика опубликована в книге: «1812 год в истории России и русской литературы. Издательство Смоленского гос. университета. Смоленск, 2010 .

2. Изложенные далее сведения о М. М. Тучковой почерпнуты из этого же источника.

А.Д. Кошелев

О ПРОФЕССОРЕ БАЕВСКОМ. ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА

Мне посчастливилось быть учеником и младшим другом Вадима Соломоновича Баевского (ВС). В последнюю нашу встречу я получил в подарок недавно вышедшую к тому моменту книжечку «Curriculum Vitae», включающую полную библиографию работ ВС, с дарственной надписью на титуле: *Дорогому Алексею Кошелеву – ученику, соавтору, издателю, другу. В. Баевский, 7 мая 2010 г.*

1. Знакомство

А познакомились мы почти полвека назад (кажется, это было летом 1962-го года) в смоленском парке, у шахматного павильона, приютившегося на самом берегу озера, вблизи мостика через него. В то время здесь летом собирались смоленские шахматисты-любители. Я был страстным шахматистом и часто проводил здесь вечера в ущерб учебе. ВС, будучи молодым преподавателем тогдашнего пединститута, также нередко сюда заходил. Наши шахматные силы были примерно равны (это уровень 1-го разряда) и мы весьма азартно сражались друг с другом – легкие пар-